

МАКСИМ КРОНГАУЗ

РУССКИЙ ЯЗЫК
НА ГРАНИ
НЕРВНОГО СРЫВА

© Языки славянских культур. Электронная версия книги. 2007

ЯЗЫКИ
СЛАВЯНСКИХ
КУЛЬТУР

Москва 2007

© Знак. Электронная версия книги. 2007

ББК 81.2Р-3
К 83

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»*

Кронгауз М.

К 83 Русский язык на грани нервного срыва. — М.: Знак: Языки славянских культур, 2007. — 232 с. (Вклейка после с. 32.)

ISBN 5-9551-0176-4

Начиная с конца 80-х годов русский язык изменяется настолько быстро, что в обществе возникают тревожные, а порой панические настроения. Все чаще говорят не только о порче, но уже и о гибели русского языка. Особенно болезненными оказываются такие темы, как язык интернета, распространение брани, злоупотребления заимствованиями, жаргонизмами и просторечными словами.

Лингвисты не всегда успевают отвечать на запросы общества в сфере языка и коммуникации, не учитывают новых явлений в лексике, грамматике, речевом этикете, предпочитая рассматривать их как обычные нарушения нормы либо не замечая вовсе. Очевидно, назрела необходимость открытого разговора лингвиста с обществом – не в качестве наставника, а в качестве собеседника, понимающего суть проблем и способного к их рациональному анализу, а не только к эмоциональным оценкам.

Такое спокойное, взвешенное и, вместе с тем, заинтересованное обсуждение и предлагается в настоящей книге.

Как уже сказано, книга обращена не к узкому лингвистическому сообществу, а к самому широкому читателю, которого интересует развитие русского языка и его будущее.

ББК 81.2Р-3

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 5-9551-0176-4

© М. Кронгауз, 2007
© Знак, 2007
© Языки славянских культур, 2007

Оглавление

Заметки просвещенного обывателя	7
Надоело быть лингвистом	7
Мы тоже эскимосы	9
Случаи из жизни	11
Я в принципе не против... ..	14
Проклятые вопросы	16
Ключевые слова эпохи	18
Курс молодого словца	19
Разговор по понятиям	23
Сделайте мне элитно!	27
Самое правильное слово	32
Невыносимая недоопределенность бытия	36
О чем говорят паразиты	39
Профессиональная конкуренция	43
Ризлторы-шмиэлторы и вопросы языкознания	46
Не кочегары мы, не плотники	50
Задать пиару!	53
Просто я работаю волшебником	56
Недетские игры	59
Украла слово!	62
Монегаски любят зорбинг	67
Кто в доме хозяин	70
Улучшайзинг под контроллингом	73
Семейные ценности	76
Шароварщики, уберсексуалы, трендсеттеры и другие породы людей	79
Глупые числа-1234... ..	82

Пункт приема потерянных слов	87
Поговорим об этом вместе	90
Спасатели слов	95
Во власти слов	100
Разделенные одним языком	106
Ни господа, ни товарищи	107
Просто Мария	110
Спокойной ночи и удачи!	114
Из Европы — с приветом!	117
Чрезмерная вежливость	120
Этикет	123
Основной инстинкт	126
Коллективное остроумие	129
Сбрендили	133
И целого мира мало	136
Ирония по инерции	140
Искусство недопонимания	145
А смысл?	149
Поле брани	158
Блинная тема	162
Лексикографический невроз, или Словарь как способ поговорить	163
Правка языка	178
О букве и русском духе	178
Жить по «Правилам», или Право на старописание	181
Размер имеет значение	189
Опечатки с моралью	192
Родная речь юридическая проблема	195
Какой национальности лицо?	203
Внешняя лингвистическая политика	206
Слово вне закона	208
Послесловие	215
Слова и выражения	216

...ошибки одного поколения
становятся признанным стилем
и грамматикой для следующих.

И. Б. Зингер

Слаб современный язык для вы-
ражения всей грациозности ва-
ших мыслей.

А. Н. Островский

Заметки просвещенного обывателя

Надоело быть лингвистом

Я никак не мог понять, почему эта книга дается мне с таким трудом. Казалось, более десяти лет я регулярно пишу о современном состоянии русского языка, выступая, как бы это помягче сказать, с позиции просвещенного лингвиста¹.

В этот же раз откровенно ничего не получалось, пока, наконец, я не понял, что просто не хочу писать, потому что не хочу снова вставать в позицию просвещенного лингвиста и объяснять, что русскому языку особые беды не грозят. Не потому, что эта позиция неправильная. Она правильная, но она

---

¹ Если коротко, эта позиция заключается в том, что для русского языка не страшны ни поток заимствований и жаргонизмов, ни вообще те большие и, главное, быстрые изменения, которые в нем происходят. Русский язык «переварит» все это, что-то сохранив, что-то отбросив, выработает, наконец, новые нормы, и на место хаоса придет стабильность. Кроме того, даже в хаосе можно найти положительные стороны, поскольку в нем ярко реализуются творческие возможности языка, не сдерживаемые строгими нормами.

не учитывает меня же самого как конкретного человека, для которого русский язык родной. А у этого конкретного человека имеются свои вкусы и свои предпочтения, а также, безусловно, свои болевые точки. Отношение к родному языку не может быть только профессиональным, просто потому, что язык это часть нас всех, и то, что происходит в нем и с ним, задевает нас лично, меня, по крайней мере¹.

Чтобы наглядно объяснить разницу между позициями лингвиста и обычного носителя языка, достаточно привести один небольшой пример. Как лингвист я с большим интересом отношусь к русскому мату, считаю его интересным культурным явлением, которое нужно изучать и описывать. Кроме того, я уверен, что искоренить русский мат невозможно ни мягкими просветительскими мерами (то есть внедрением культуры в массы), ни жесткими законодательными. А вот как человек я почему-то очень не люблю, когда рядом ругаются матом. Я готов даже признать, что реакция эта, возможно, не самая типичная, но уж как есть. Таким образом, как просвещенный лингвист я мат не то чтобы поддерживаю, но отношусь к нему с интересом, пусть исследовательским, и с определенным почтением как к яркому языковому и культурному явлению, а вот как, чего уж там говорить, обыватель мат не люблю и, грубо говоря, не уважаю. Вот такая получается диалектика.

Следует сразу сказать, что, называя себя обывателем, я не имею в виду ничего дурного. Я называю себя так просто потому, что защищаю свои личные взгляды, вкусы, привычки и интересы. При этом у меня, безусловно, есть два положительных свойства, которыми, к сожалению, не всякий обыватель

---

¹ Точнее всего об этом сказал Николай Глазков, которого я уже когда-то цитировал, но избежать цитаты и в этот раз не получится:

Я на мир взираю из-под столика:
Век двадцатый, век необычайный.
Чем он интересней для историка,
Тем для современника печальней.

Если использовать его слова, то хватит уже быть историком, пора залезать под стол.

обладает. Во-первых, я не агрессивен (я — не воинствующий обыватель), что в данном конкретном случае означает следующее: я не стремлюсь запретить все, что мне не нравится, я просто хочу иметь возможность выражать свое отношение, в том числе и отрицательное, не имея в виду никаких дальнейших репрессий или даже просто законов. Во-вторых, я — образованный обыватель, или, если еще снизить пафос, грамотный, то есть владею литературным языком, его нормами и уважаю их. А если, наоборот, пафосу добавить, то получится, что я своего рода просвещенный обыватель.

Вообще, как любой обыватель, я больше всего ценю спокойствие и постоянство. А резких и быстрых изменений, наоборот, боюсь и не люблю. Но так уж выпало мне — жить в эпоху больших изменений. Прежде всего, конечно, меняется окружающий мир, но брюзжать по этому поводу как-то неприлично (тем более что есть и приятные изменения), а кроме того, все-таки темой книги является язык. Может ли язык оставаться неизменным, когда вокруг меняется все: общество, психология, техника, политика?

Мы тоже эскимосы

Как-то, роюсь в интернете, на lenta.ru я нашел статью об эскимосах, часть которой я процитирую¹:

«Глобальное потепление сделало жизнь эскимосов такой богатой, что у них не хватает слов в языке, чтобы давать названия животным, переселяющимся в полярные области земного шара. В местном языке просто нет аналогов для обозначения разновидностей, которые характерны для более южных климатических поясов.

Однако вместе с потеплением флора и фауна таежной зоны смещается к северу, тайга начинает теснить тундру и эскимосам приходится теперь ломать голову, как называть лосей,

---

¹ Некоторые странности статьи, посвященной эскимосам, но почему-то вдруг рассказывающей о саами, оставим на совести авторов. В данном случае точность не так уж важна.

малиновок, шмелей, лосося, домовых сычей и прочую живность, осваивающую заполярные области.

Как заявила в интервью агентству Reuters председатель Эскимосской Полярной конференции Шейла Уотт-Клутье (Sheila Watt-Cloutier), чья организация представляет интересы около 155 тысяч человек, “эскимосы даже не могут сейчас объяснить, что они видят в природе”. Местные охотники часто встречают незнакомых животных, но затрудняются рассказать, так как не знают их названия.

В арктической части Европы вместе с распространением березовых лесов появились олени, лоси и даже домовые сычи. “Я знаю приблизительно 1 200 слов для обозначения северного оленя, которых мы различаем по возрасту, полу, окрасу, форме и размеру рогов, — цитирует Reuters скотовода саами из северной Норвегии. — Однако лося у нас называют одним словом «елг», но я всегда думал, что это мифическое существо”¹.

Эта заметка в общем-то не нуждается ни в каком комментарии, настолько все очевидно. Все мы немного эскимосы, а может быть, даже и много. Мир вокруг нас (неважно, эскимосов или русских) изменяется. Язык, который существует в меняющемся мире и не меняется сам, перестает выполнять свою функцию. Мы не сможем говорить на нем об этом мире просто потому, что у нас не хватит слов. И не так уж важно, идет ли речь о домовых сычах, новых технологиях или новых политических и экономических реалиях.

Итак, объективно все правильно, язык должен меняться, и он меняется. Более того, запаздывание изменений приносит обывателям значительное неудобство, так, «эскимосы даже не могут сейчас объяснить, что они видят в природе». Но и очень

---

¹ Про мифическое существо сказано настолько хорошо, что хочется поискать аналогии и в нашей жизни. И они находятся в самых разных ее областях. Ну ведь правда, еще в 1984 году казалось, что слова *тутч*, *цунами* или, прошу прощения, *стриптиз* к нашей действительности отношения не имеют, а и они, и многие другие так или иначе вошли в нее.

быстрые изменения могут мешать и раздражать. Что же конкретно мешает мне и раздражает меня?

Случаи из жизни

Проще всего начать с реальных случаев, а потом уж, если получится, обобщить их и поднять на принципиальную высоту. Конечно, все эти ситуации вызывают у меня разные чувства — раздражение, смущение, недоумение. Я просто хочу привести примеры, вызвавшие у меня разной степени языковой шок, потому и запомнившиеся.

Случай первый

На одном из семинаров мы беседуем со студентами, и один вполне воспитанный юноша в ответ на какой-то вопрос произносит: «Ну, это же, как ее, блин, интродукция». Он, конечно, не имеет при этом в виду обидеть окружающих и вообще не имеет в виду ничего дурного, но я вздрагиваю. Просто я не люблю слово *блин*. Естественно, только в его новом употреблении как междометие, когда оно используется в качестве замены сходного по звучанию матерного слова. Точно так же я вздрогнул, когда его произнес актер Евгений Миронов при вручении ему какой-то премии (кажется, за роль князя Мышкина). Объяснить свою неприязненную реакцию я, вообще говоря, не могу. Точнее, могу только сказать, что считаю это слово вульгарным (замечу, более вульгарным, чем соответствующее матерное слово), но подтвердить свое мнение мне нечем, в словарях его нет, грамматики его никак не комментируют. Но когда это слово публично произносят воспитанные и интеллигентные люди, от неожиданности я все еще вздрагиваю.

Случай второй

Тут я не одинок, тут я вместе со своей страной периодически вздрагиваю от слов наших политиков.

Вообще-то мы не очень запоминаем то, что говорят политики, наши президенты в частности. Если порыться в памяти, то в ней хранятся сплошные анекдоты. От Горбачева, напри-

мер, остались глагол *начать* с ударением на первом слоге, слово *консенсус*, исчезнувшее вскоре после завершения его президентства, и странное выражение *процесс пошел*. От Ельцина остались *загогулина* и *неправильно сидим*, связанные с конкретными ситуациями, да словцо *понимаешь*. А главной фразой Путина, по-видимому, навсегда останется — *мочить в сортире*. Рекомендация сделать обрезание, данная на пресс-конференции западному журналисту, все-таки оказалась менее выразительной, хотя тоже запомнилась. Как и в случае с Ельциным, запомнились фразы в каком-то смысле неадекватные, не соответствующие даже не самой ситуации, а статусу участников коммуникации, прежде всего самого президента. Если говорить проще, президент страны не должен произносить таких фраз. В отличие от «бушизмов», которые так любят американцы, то есть нелепостей, произнесенных Бушем, Путин произносит более чем осмысленные фразы и даже соответствующий стиль выбирает, по-видимому, вполне сознательно. Впрочем, примеры с Путиным, конечно же, не уникальны. Они в значительной степени напоминают хрущевскую *Кузькину мать*, не только саму фразу, но и всю ситуацию, естественно.

Случай третий

После долгого отсутствия в России я бреду с дочерью по Даниловскому рынку в поисках мяса и натываюсь на броскую вывеску-плакат, этакую растяжку над прилавком: «Эксклюзивная баранина».

— Совсем с ума посходили, — громко и непедagogично говорю я.

— А что тебе, собственно, не нравится, папа? — удивляется моя взрослая дочь.

— Да нет, нет, — успокаиваю я то ли ее, то ли себя. — Так, померещилось.

Естественно, что позднее, увидев в объявлении о продаже машины фразу: «Машина находится в эксклюзивном виде», я уже не высказал никаких особенных эмоций. Сказался полуживой языковой опыт.

Похожую эволюцию прошло и слово *элитный*. От *элитных сортов пшеницы* и *элитных щенков* мы пришли к следующему объявлению (из электронной рассылки): «Элитные семинары по умеренным ценам».

Если говорить совсем просто, то мне не нравится, что некоторые вполне известные мне слова так быстро меняют значения.

Случай четвертый

Не люблю, когда я не понимаю отдельных слов в тексте или в чьей-то речи. Даже если я понимаю, что это слово из английского языка и могу вспомнить, что оно там значит, меня это раздражает. Позавчера я споткнулся на *стриптейсерах*, вчера — на *трендсеттерах*, сегодня — на *дауншифтерах*, и я точно знаю, что завтра будет только хуже.

К заимствованиям быстро привыкаешь, и уже сейчас трудно представить себе русский язык без слова *компьютер* или даже без слова *пиар* (хотя многие его и недолюбливают). Я, например, давно привык к слову *менеджер*, но вот никак не могу разобраться во всех этих *сейлзмеджерах*, *акаунтменеджерах* и им подобных. Я понимаю, что без «специалиста по недвижимости» или «специалиста по порождению идей» не обойтись, но ужасно раздражает, что одновременно существуют *риэлтор*, *риелтор*, *риэлтер* и *риелтер*, а также *криэйтор*, *криейтор* и *креатор*. А лингвисты при этом либо просто не успевают советовать, либо дают взаимоисключающие рекомендации.

Когда-то я с легкой иронией относился к эмигрантам, приезжающим в Россию и не понимающим некоторых важных слов, того же *пиара* скажем. И вот теперь я сам, даже никуда не уезжая, обнаружил, что некоторые слова я не то чтобы совсем не понимаю, но понимаю их только потому, что знаю иностранные языки, прежде всего английский.

Мне, например, стало трудно читать спортивные газеты (почему-то спортивные журналисты особенно не любят переводить с английского на русский, а предпочитают сразу заимствовать). В репортажах о боксе появились загадочные *панче-*

ры и крузеры, в репортажах о футболе — дерби, легионеры, монегаски и манкунианцы¹. Да что говорить, я перестал понимать, о каких видах спорта идет речь. Я не знал, что такое кёрлинг, кайтинг или банджи-джампинг (теперь знаю). Окончательно добил меня хоккейный репортаж, в котором было сказано о канадском хоккеисте, забившем гол и сделавшем две ассистенции. Поняв, что речь идет о голевых пасах (или передачах), я, во-первых, поразился возможностям языка, а во-вторых, разозлился на журналиста, которому то ли лень было перевести слово, то ли, как говорится, «западло». Потом я, правда, сообразил, что был не вполне прав не только по отношению к эмигрантам, но и к спортивному журналисту. Ведь глагол *ассистировать* (в значении «делать голевой пас»), да и слово *ассистент* в соответствующем значении, уже стали частью русской спортивной терминологии. Так чем хуже *ассистенция*? Но правды ради должен сказать, что более я этого слова не встречал.

Случай пятый

Во время сессии ко мне пришли две студентки, не получившие зачет, и сказали: «Мы же реально готовились». Тогда не поставлю, — ответил я, поддавшись эмоциям. Я люблю своих студентов, но некоторые их слова меня реально раздражают. Вот краткий список: *блин* (см. выше), *в шоке*, *вау*, *по жизни*, ну, и само *реально*, естественно. Дорогие студенты, будьте внимательны, не употребляйте их в сессию.

Я в принципе не против...

Пожалуй, этих примеров более чем достаточно (на самом деле таких ситуаций было намного больше). Думаю, что почти у каждого, кто обращает внимание на свой язык, найдутся претензии к сегодняшнему его состоянию, может быть, похо-

---

¹ Последние столь загадочны, что хочется сразу объяснить, кто это. Однако, чтобы сохранить интригу, делать этого не буду. Все мое время.

жие, может быть, какие-то другие (вкусы ведь у нас у всех разные, в том числе и языковые).

Итак, как же все-таки сформулировать эту самую мою обывательскую позицию и суть моих претензий?

Я, в принципе, не против сленга (и других жаргонов). Я просто хочу понимать, где граница между ним и литературным языком. Ну, я-то, скажем, это понимаю, потому что раньше, когда я еще только овладевал языком, сленг и литературный язык «жили» в разных местах. А вот, как говорится, «нонешнее» поколение, то есть люди до двадцати пяти, не всегда могут их различить и, например, не понимают языковой игры, основанной на смешении стилей, которая так характерна для русской литературы.

Я, в принципе, не против брани. То есть если мне сейчас дать в руки волшебную палочку и сказать, что одним взмахом я могу ликвидировать брань в русском языке или, по крайней мере, русский мат, я этого не сделаю. Просто испугаюсь. Ведь ни один язык не обходится без так называемой обсценной лексики, значит, это кому-то нужно. Другое дело, что чем грубее и оскорбительнее брань, тем жестче ограничения на ее употребление. То, что можно (скорее, нужно) в армии, нельзя при детях, что можно в мужской компании, нельзя при дамах, ну и так далее. Поэтому, например, мат с экрана телевизора свидетельствует не о свободе, а о недостатке культуры или просто о невоспитанности.

Я, в принципе, не против заимствований, я только хочу, чтобы русский язык успевал их осваивать, я хочу знать, где в них ставить ударение и как их правильно писать.

Я, в принципе, не против языковой свободы, она способствует творчеству и делает речь более выразительной. Мне не нравится языковой хаос (который вообще-то является ее обратной стороной), когда уже не понимаешь, игра это или безграмотность, выразительность или грубость.

Кроме сказанного, у меня есть одно важное желание и одно, так сказать, нежелание.

Главное мое желание состоит в том, что я хочу понимать тексты на русском языке, то есть знать слова, которые в них

используются, и понимать значения этих слов. Грубо говоря, я не хочу проснуться как-то утром и узнать, что, ну, для примера, слово *стул* модно теперь употреблять в совсем другом смысле. Увы, но пока я часто при чтении сегодняшних текстов использую стратегию неполного понимания, то есть стараюсь уловить главное, заранее смиряясь с тем, что что-то останется непонятным. Что же касается «нежелания», то о нем чуть дальше.

Проклятые вопросы

Ну вот, высказался, и вроде полегче стало. Другое дело, что читатель, дочитав до этого места, может спросить, кто во всем этом безобразии виноват и что именно я предлагаю. Здесь, если быть последовательным, можно ответить, что как обыватель я ведь ничего конструктивного предлагать и не должен. Не мое это дело.

Но можно поступить иначе и выпустить на свободу временно подавленного во мне лингвиста. И пусть поговорит о сегодняшнем русском языке, причем не в жанре «давайте говорить правильно» (как чаще всего бывает на радио и телевидении) или, по крайней мере, не только в нем, а, скорее, в жанре наблюдений над тем, как мы говорим на самом деле, что, как ни удивительно, интересно очень и очень многим.

В России, в любой ситуации, сразу задавая главные вопросы «Кто виноват?» и «Что делать?», часто забывают поинтересоваться: «А что, собственно, случилось?» А случилась как раз гигантская перестройка (слово горбачевской эпохи сюда, безусловно, подходит) языка под влиянием сложнейших социальных, технологических и даже природных изменений. И выживает тот, кто успевает приспособиться. Русский язык успел, хотя для этого ему пришлось сильно измениться. Как и всем нам. К сожалению, он уже никогда не будет таким, как прежде. Но, как сказал И. Б. Зингер: «...ошибки одного поколения становятся признанным стилем и грамматикой для следующих». И дай-то Бог, чтобы из наших ошибок вышла какая-

нибудь грамматика. И мне, раздраженному обывателю, надо будет с этим смириться, а может, даже этим и гордиться.

В любом случае у живших в эпоху больших перемен есть одно очевидное преимущество. Им есть что вспомнить.

Ключевые слова эпохи

Появление новых слов или новых значений у старых слов означает, что мир вокруг нас изменился. В нем либо появилось что-то новое, либо что-то существующее стало важным настолько, что язык (а в действительности мы сами) создает для него имя. В последнее время в русском языке появилось столько новых слов, что лингвисты не успевают следить за ними и издавать словари, а обычные люди часто просто не понимают, о чем идет речь.

Слова появляются по отдельности, группами, а иногда очень большими группами. Последнее самое интересное, поскольку речь в этом случае идет о значительном изменении среды, о некоей волне изменений, накрывающей наше общество. Можно отметить по крайней мере несколько таких больших волн новых слов и значений, возникших на рубеже веков, а возможно, продолжающихся и дальше.

После перестройки мы пережили минимум три словесных волны: бандитскую, профессиональную и гламурную, а в действительности прожили три важнейших одноименных периода, три, если хотите, моды, разглядеть которые позволяет наш родной язык. Про эти периоды можно философствовать бесконечно, можно снимать фильмы или писать романы, а можно просто произнести те самые слова, и за ними встанет целая эпоха. Это тоже философия, но философия языка. Глупо говорить о его засоренности, глупо вообще пенять на язык, коли жизнь у нас такая. И надо быть терпимее и помнить, что слова суть отражения.

Курс молодого словца

Самое заметное из изменений, происходящих в языке, — это появление новых слов и — чуть менее яркое — появление новых значений. Новое слово попробуй не заметить! Об него, как я уже говорил, сразу спотыкается взгляд, оно просто мешает понимать текст и требует объяснений, и вместе с тем в новых словах часто скрыта какая-то особая привлекательность, обаяние чего-то тайного, чужого. А вот откуда в языке появляются новые слова и новые значения?

Как-то принято считать, что русский язык, если ему не хватает какого-то важного слова, просто одалживает его у другого языка, прежде всего у английского. Ну, например, в области компьютеров и интернета, казалось бы, только так и происходит. Слова *компьютер*, *монитор*, *принтер*, *процессор*, *сайт*, *блог* и многие другие заимствованы из английского. Однако это — заблуждение, точнее говоря, дело обстоит не совсем так или, по крайней мере, не всегда так. Это можно показать на примере своего рода IT-зверинца¹. Названия трех животных — *мышь*, *собачка* и *хомяк* — приобрели новые «компьютерные» значения, причем совершенно разными путями.

Ну, с *мышью* все понятно, это значение всем хорошо известно и уже отмечено в словарях («специальное устройство, позволяющее управлять курсором и вводить разного рода команды»). В русском языке это так называемая калька с английского, то есть новое значение появилось у соответствующего названия животного именно в английском языке, а русский просто добавил его к значениям *мыши*. Компьютерная мышь вначале была действительно похожа на обычную и по форме, и по хвосту-проводу, и по тому, как бегала по коврику. Сейчас компьютерные мыши довольно сильно удалились от прототипа, но значение уже прочно закрепилось в языке.

---

¹ Или, говоря по-русски, информационно-технологического зверинца.